

«ДОВЕРЯЕТ ЛИ ВЛАСТЬ ОБЩЕСТВУ?»: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

К. Я. Литвина^а

^а Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В системе «государство–общество» доверие преимущественно рассматривается как проблема доверия общества – государству. Автор статьи задался обратным вопросом: насколько власть доверяет обществу, и каковы последствия такого доверия/недоверия. Несмотря на кажущуюся очевидность такой постановки вопроса, подобные исследования находятся на периферии социальных наук, остаются практически не разработанными методология и эмпирическая верификация их проведения. Автор поставил перед собой задачу провести пилотажное исследование с целью апробации методологии оценки уровня доверия представителей органов публичной власти в лице государственных и муниципальных служащих – обществу.

Материалы и методы. Основной метод исследования – анкетирование с использованием специализированного сервиса онлайн-опросов представителей органов публичной власти в финансово-экономической сфере из 19 субъектов Российской Федерации. Выделены три ключевых объекта доверия в «обществе»: граждане, бизнес и государственные (муниципальные) учреждения.

Результаты. Автором разработана модель проведения исследований по проблеме доверия власти – обществу, включающая в себя структуру социального доверия и факторы, определяющие уровень доверия власти – обществу. Проведенное пилотажное исследование подтвердило необходимость дифференцированного изучения доверия, несводимость его анализа к прямым вопросам о доверии. Выявлена потребность в исследовании неоднородности восприятия властью различных представителей социума. Показано, что доверие власти к гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям существенно различается: наибольшая степень доверия представителей органов публичной власти проявляется в отношении граждан, наименьшая – бизнеса. Положение во властной вертикали существенно влияет на уровень доверия служащих государства – обществу. Исследование демонстрирует, что декларируемые доверительные установки не всегда конвертируются в практические действия, что создает определенные барьеры в системе публичного управления.

Обсуждение. Полученные результаты могут быть полезны для совершенствования методологии проведения подобных исследований, разработки механизмов взаимодействия власти и общества, а также для развития теории социального доверия в контексте публичного управления. Исследование вносит существенный вклад в понимание механизмов формирования доверительных отношений в системе публичного управления и может служить методологической основой для дальнейших исследований в этой области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социальное доверие, представители органов публичной власти, доверительные установки, публичное управление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Литвина К. Я. «Доверяет ли власть обществу?»: опыт пилотажного исследования в российских регионах // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 4. С. 124–138. EDN RFEQND.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвина Кристина Яковлевна – кандидат экономических наук; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48) – *доцент кафедры отраслевой экономики и финансов*; litvinaku@yandex.ru. SPIN 8221-0075, ORCID 0000-0003-3950-7661, Scopus ID 57216707480, Researcher ID HNM-3083-2022.

© К. Я. Литвина

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 16.06.2025; рецензия получена 30.09.2025; принята к публикации 30.10.2025.

RESEARCH ARTICLE

**«DOES THE GOVERNMENT TRUST THE SOCIETY»:
RUSSIAN REGIONS PILOT RESEARCH EXPERIENCE**

K. Ya. Litvina^a

^a The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. In the «state – society» system, trust is primarily considered as a problem of trust between society and the state. The author of the article put the opposite question: To what extent do the government trust society, and what are the consequences of such trust/distrust? Despite being obvious, such studies are on the periphery of the social sciences, and there remains little methodology and empirical verification of their conduct. The author set a goal to conduct a pilot study in order to test the methodology for assessing the level of trust of representatives of public authorities, represented by state and municipal employees, in society.

Materials and methods. The main research method is a questionnaire using a specialized online survey service for representatives of public authorities in the financial and economic sphere from 19 subjects of the Russian Federation. The study highlights three key objects of trust in the “society”: citizens, business and state (municipal) institutions.

Results and conclusions. The author has developed a research model on the problem of trust in government and society, which includes the structure of social trust and factors determining the level of trust in government and society. The pilot study confirmed the need for a differentiated study of trust, and the irreducibility of its analysis to direct questions about trust. The need for a study of the heterogeneity of the perception of different representatives of society by the authorities has been identified. It has been shown that the government’s trust in citizens, business, and state (municipal) institutions varies significantly: the greatest degree of trust of representatives of public authorities is shown in relation to citizens, the least – to business. The position in the power vertical significantly affects the level of trust of government officials in society. The study demonstrates that the declared trust attitudes are not always converted into practical actions, which creates certain barriers in the public administration system.

Discussion. The results can be useful for improving the methodology of conducting such research, developing mechanisms for interaction between government and society, as well as for developing the theory of social trust in the context of public administration. The study makes a significant contribution to understanding the mechanisms of trust building in the public administration system and can serve as a methodological basis for further research in this area.

KEYWORDS

Trust, authority, representatives of public authorities, trust-based attitudes, public administration, Russia.

FOR CITATION

Litvina, K. Ya. (2025) «Does the Government trust the Society»: Russian regions pilot research experience. *Management Issues*, 19 (4), 124–138. <https://elibrary.ru/rfeqnd>.

AUTHORS' INFORMATION

Kristina Ya. Litvina – Candidate of Economics; The Herzen State Pedagogical University of Russia (191186, Russia, Saint Petersburg, Moika River emb., 48) – *Associate Professor of the Dept. of Industrial Economics and Finance*; litvinaky@yandex.ru. SPIN 8221-0075, ORCID 0000-0003-3950-7661, Scopus ID 57216707480, Researcher ID HHM-3083-2022.

CONFLICT OF INTEREST

The author declares interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools for writing this article.

The article was submitted 16.06.2025; reviewed 30.09.2025; accepted for publication 30.10.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Современное управление в России, безусловно, изменяется под воздействием различных факторов и вызовов, что требует поиска эффективных механизмов управления во всех секторах, включая государственный, корпоративный и общественный [1, с. 46].

В системе «государство–общество» доверие преимущественно рассматривается как проблема доверия общества и его компонентов (общественных институтов, государственных (муниципальных) учреждений, граждан и др.) государству, представителям органов публичной власти и институтам власти. Очевидно, что закономерен также обратный вопрос: насколько доверяют представители органов публичной власти обществу в целом и его компонентам в частности, насколько они доверяют друг другу, и каковы факторы и последствия такого доверия или недоверия.

Несмотря на кажущуюся очевидность такой постановки вопроса, вплоть до настоящего времени он находится на периферии социальных наук, остается практически не разработанным теоретически и методологически и не исследованным эмпирически.

Статья представляет методологию проведения исследования, позволяющую оценить, насколько власти доверяет обществу.

Автором представлены результаты проведенного социологического исследования в 19 субъектах Российской Федерации по предложенной автором модели исследования, основная цель которого заключалась в предварительной характеристике доверия представителей органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям, которые являются объектом государственного управления, разрабатываемых и реализуемых политик, сквозь призму всех составляющих элементов доверия, выделенных автором.

В ряде научных публикаций обосновывается, что доверие государства обществу в целом и его компонентам в частности является важной частью общей картины политического доверия.

Так, К. Кук, Р. Хардин и М. Леви¹, анализируя роль государства в формировании отношений доверия и кооперации в обществе, указывают, что если политики и процедуры выстроены таким образом, что демонстрируют явное недоверие и неуважение по отношению к гражданам, это провоцирует ответные негативные установки граждан, их недоверие к государству, нежелание

подчиняться его требованиям, сопротивление и желание обмануть. Тем самым, доверие государства к гражданам рассматривается в контексте двухсторонних отношений и систематических интеракций, которые делают два вида доверия зависимыми друг от друга. Авторы также отмечают, что даже в достаточно тривиальных случаях оказания государственных услуг то, как их адресаты воспринимаются государственными служащими, может быть важнее, чем собственно содержание и результаты такой услуги, а также чем соотношение ее качества и цены. То есть, доверие к государству предполагает не столько оценку качества его работы, сколько уверенность в том, что государство является честным и руководствуется благими намерениями, воспринимает граждан как заслуживающих уважения и доверия.

Роль недоверия со стороны государства как механизма эффективности публичного управления и развития отношений доверия в обществе еще более явно подчеркивается в работах С. Ван де Валле, рассматривающего эту проблему через призму концепции «Нового публичного менеджмента», или «Нового государственного управления» (New Public Management, NPM) [2; 3]. Эта концепция является не только теоретической моделью, но фактически стала доминирующей парадигмой публичного управления во многих западных странах в 1980–1990-е годы. Она противопоставляется концепции бюрократии М. Вебера и рассматривает сферу публичного управления не столько как формально-рациональную бюрократическую иерархию, сколько как квазирыночный механизм, при котором гражданин рассматривается как потребитель, а представитель органа публичной власти – как поставщик услуг, подчиненный законам спроса и предложения, и даже как своего рода предприниматель, заинтересованный в поиске инноваций, ориентированных на клиента [4; 5; 6]. Поскольку публичное управление рассматривается в рыночных терминах, оно заимствует технологии и методы менеджмента из коммерческого сектора, использует ориентированный на результат проектный подход вместо ориентации на функции, и оценивает эффективность своей деятельности с точки зрения удовлетворения потребностей граждан при минимизации издержек.

Эмпирические данные, которые позволяли бы по крайней мере на дескриптивном уровне изучить доверие государства к гражданам, остаются крайне ограниченными, что признается в некоторых работах². В ряде ранних работ изучались представления

¹ Cook K. S., Hardin R., Levi M. Cooperation without trust? New York: Russel Sage Foundation, 2005. pp. 160–161.

² Bouckaert G. Trust and public administration // Administration. 2012. Vol.60. № 1. pp. 91–115.

государственных служащих о гражданах и о том, как они воспринимают правительство (в частности, было выявлено, что государственные служащие считают, что граждане им не доверяют и не понимают их потребностей) [7; 8; 9]. Однако напрямую эти исследования не касались доверия со стороны государственных служащих [10; 11; 12]. Тем не менее, некоторые исследования такого или схожего рода, например, зарубежных исследователей К. Янга [13], К. Мигчельбринка и П. Рэймакерса [14], отечественных исследователей Е. Г. Овчинникова-Лысенко [15], М. С. Казаковой [16] были проведены и позволяют обосновать важность такой постановки вопроса.

Учитывая отсутствие надежных эмпирических данных и недостаточную изученность проблемы доверия власти обществу, в 2024 году автором была разработана методология проведения исследования и проведено пилотажное социологическое исследование по оценке доверия представителей органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям. Основная цель заключалась в разработке модели проведения исследования, позволяющей получить предварительную характеристику доверия представителей органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям, которые являются объектом государственного управления, разрабатываемых и реализуемых политик. Учитывая поисковый характер исследования, оно имело преимущественно дескриптивный характер и было направлено на апробацию предложенной автором методологии проведения подобных исследований с учетом концептуализации и дифференцированного понимания доверия на уровне его объекта, субъекта, предмета и внутренней структуры.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рамках пилотажного исследования были сформулированы следующие главные исследовательские вопросы.

1. Насколько доверяют представители органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям?

2. Какова структура социального доверия, демонстрируемая представителями органов публичной власти, то есть, соотношение его компонентов (представлений, установок, намерений и действий)? Является ли она внутренне согласованной?

3. Зависит ли уровень доверия от воспринимаемого уровня зависимости представителями органов публичной власти от объекта доверия?

4. Зависит ли уровень доверия от социальных характеристик представителей органов публичной власти, таких как положение в системе власти, пол, возраст?

Разработка методологии исследования была направлена на выявление всех четырех

содержательных аспектов доверия, выделенных нами на теоретическом уровне, а именно:

1) *представления*. Представления об объекте и ситуации, в которой возникает потребность в доверии, а также ожидания возможных действий сторон являются когнитивной основой доверия. Любая политика и решения государства так или иначе отражают представления о том, в какой степени объект управления является надежным, законопослушным и предсказуемым в своих действиях;

2) *установки*. Доверительные установки – это, прежде всего, эмоциональное отношение к объекту доверия, показывающие общее позитивное или негативное отношение к нему. Фактически в исследованиях доверия именно этот аспект является главным, измеряемым при помощи прямых вопросов о доверии. В данном исследовании доверительные установки, напротив, являются лишь одним из аспектов доверия представителей органов публичной власти в отношении объекта управления;

3) *намерения*. Намерение является связующим звеном, трансформирующим общие когнитивные и аффективные (эмоциональные) основания доверия в действия, которые только и делают доверие социально значимым феноменом. При этом, в отличие от представлений и установок, намерения всегда обладают специфической предметностью, поскольку предполагают готовность совершить конкретное действие;

4) *действия*. Совершаемые (совершенные) действия при взаимодействии с различными объектами доверия.

Именно этот аспект доверия является наиболее сложным для изучения. Для выявления практического аспекта доверия использовались две измерительные процедуры. Первая процедура связана с оценкой личных отношений, которые респонденты выстраивают с различными потенциальными объектами доверия. Вторая процедура для измерения практического уровня доверия основывается на фактическом опыте доверительных действий при взаимодействии с различными объектами доверия и оценке результатов такого опыта.

Каждый отдельный аспект доверия имеет ценность сам по себе и может рассматриваться относительно независимо. Однако доверие как целостный феномен предполагает одновременное присутствие всех четырех компонентов доверия, что выражается в понятии полноты доверия. В рамках предлагаемой операционализации проведенного исследования полнота доверия выражается в одновременно высокой выраженности всех используемых показателей доверия.

По нашему мнению, о доверии имеет смысл говорить только в том случае, когда субъект доверия в той или иной степени зависит от действий и доброй воли объекта доверия. Несмотря на кажущуюся очевидность, это ключевое условие практически полностью игнорируется в абсолютном

большинстве исследований политического и социального доверия [17; 18].

Зависимость общества от государства и органов публичной власти, как правило, носит прямой и хорошо понятный для всех участников характер [19; 20; 21]. Однако в обратных отношениях ситуация менее очевидна. Проблема доверия тем выше, чем выше зависимость представителей органов публичной власти от объектов доверия, поэтому любые оценки содержания доверия необходимо рассматривать именно через призму степени воспринимаемой зависимости.

Исследование проводилось в 2024 году методом анкетирования с использованием специализированного сервиса онлайн-опросов. Эмпирическое исследование доверия со стороны представителей органов публичной власти в отношении граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений сталкивается с теми же принципиальными проблемами низкого отклика, что и стандартные способы измерения институционального доверия, в связи с чем проведение опроса среди представителей органов публичной власти, особенно уровня руководителей, являлось сложной организационной задачей.

Даже в мировой практике аналогичные исследования, как правило, охватывают не более 200–300 человек, причем чаще всего – среди представителей низших (начальных) уровней управления и рядовых должностей.

В ходе пилотного исследования опрошены 71 человек из числа представителей органов публичной власти в финансово-экономической сфере девятнадцати субъектов РФ: Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Мордовия, Волгоградской области, Пермского края, Ростовской области, Республики Саха (Якутия), Свердловской области, Чувашской Республики, Курской области, Калининградской области, Республики Калмыкия, Камчатского края, Республики Крым, Алтайского края, Новосибирской области, Кировской области.

Несмотря на сравнительно небольшой размер, такая выборка является достаточной для апробации методологии исследования, более половины опрошенных занимают руководящие должности в органах публичной власти из различных регионов РФ. До определенной степени это делает проведенное исследование экспертным опросом, что снижает относительную значимость проблемы размера выборки для применения модели проведения исследования.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно структуре выборки исследования (таблица 1), основная часть опрошенных – это представители органов публичной власти с большим стажем службы в органах власти, работающие преимущественно в региональных органах власти.

Таблица 1 – Структура выборки исследования
Table 1 – The structure of the study sample

Характеристика	Доля в выборке, %
<i>Орган публичной власти</i>	
Федеральный орган государственной власти	1,4
Орган государственной власти субъекта РФ	78,9
Орган местного самоуправления	19,7
<i>Категория должности</i>	
Руководители	56,3
Помощники (советники)	1,4
Специалисты	38,0
Обеспечивающие специалисты	2,8
Другое (должности, не являющиеся должностями государственной службы, в соответствии с п.6 ст. 8 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»)	1,4
<i>Стаж работы в текущей должности</i>	
До 3 лет	16,9
От 3 до 10 лет	35,2
От 10 до 20 лет	29,6
Более 20 лет	18,3
<i>Общий стаж работы в органах публичной власти</i>	
До 3 лет	11,3
От 3 до 10 лет	18,3
От 10 до 20 лет	35,2
Более 20 лет	35,2

<i>Пол</i>	
Женский	70,4
Мужской	29,6
<i>Возраст</i>	
До 25 лет	4,2
От 25 до 34 лет	11,3
От 35 до 44 лет	43,7
От 45 до 54 лет	36,6
От 55 до 64 лет	4,2
65 лет и старше	0,0

Доверие в системе власти не может рассматриваться как линейное и всеобщее и требует конкретизации субъекта, объекта и предмета доверия. На уровне субъекта опрошенная выборка отражает, прежде всего, региональный уровень публичной власти. Этот уровень не контролирует ключевые решения в области публичного управления на уровне всей страны, определяющие наиболее важные аспекты общественной жизни, однако несет ответственность за их исполнение на уровне конкретного региона. При этом, речь идет об исполнителях, которые могут распоряжаться значительными ресурсами и обладают полномочиями, достаточными, чтобы оказывать влияние на жизнь общества в широких пределах. В территориальном разрезе в наибольшей степени представлен г. Санкт-Петербург (40,8%), еще 15,5% – респонденты из Республики Мордовия. Остальные респонденты представляют другие регионы России.

Большинство респондентов работает в системе публичной власти много лет, что позволяет предположить формирование профессиональной «государственной» идентичности,

позволяющей им воспринимать себя именно как представителей публичной власти. Это допускает использование ответов респондентов для изучения доверия, которое современная российская система публичного управления среднего уровня проявляет в отношении общества в целом и его компонентов в частности.

Общие утверждения о доверии

В таблице 2 представлены результаты, показывающие степень согласия респондентов с рядом общих утверждений, касающихся отношений в системе «государство–общество», и позволяющие охарактеризовать набор представлений, которыми оперируют представители органов публичной власти. Оценка проводилась по 7-балльной шкале. Более высокая оценка означает большую выраженность представлений, являющихся основанием для доверия гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям.

Как мы видим, для большинства утверждений средние значения согласия несколько превышают среднюю точку шкалы, что позволяет говорить о преобладании умеренно-позитивных

Таблица 2 – Степень согласия респондентов с рядом общих утверждений о доверии
Table 2 – The degree of respondents' agreement with a number of general statements about trust

Утверждение	Средний балл
1. В российском обществе граждане, как правило, высоко оценивают эффективность публичной власти и ее способность решать социальные и экономические проблемы	4,1
2. В российском обществе выстроены в целом справедливые и взаимовыгодные отношения между публичной властью и бизнесом	4,5
3. Российская система публичной власти является сбалансированной и эффективной, ее различные части действуют согласованно и служат общественным интересам	4,7
4. Для российского общества в целом характерен высокий уровень взаимного доверия и готовности к кооперации	4,3
5. Публичная власть и граждане, бизнес и государственные (муниципальные) учреждения не доверяют друг другу	4,5
6. Для успешной работы органов публичной власти представителям этих органов необходимо выстраивать хорошие личные отношения с работниками государственных (муниципальных) учреждений, бизнесом	2,4
7. Российская система публичной власти является стабильной и предсказуемой	5,0

доверительных представлений, то есть, представлений, которые делают возможным и обоснованным проявление доверия в отношении граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений.

Единственным исключением является утверждение о необходимости выстраивать личные отношения с объектом управления для успешной работы органов публичной власти. Низкий средний балл в данном случае, учитывая перекодирование переменной, означает согласие с данным утверждением. Однако теоретически, согласие с подобным утверждением интерпретируется как недостаток доверия: необходимость выстраивания личных отношений, требующих инвестиций в человеческий капитал, означает, что при взаимодействии с объектом управления государственные и муниципальные служащие не могут полагаться исключительно на систему общих правил и ожидания благонамеренного поведения безотносительно личных отношений.

Могут быть два объяснения подобным расхождениям в оценках. Первое объяснение – методологическое, связанное с тем, что подобный вопрос не вполне точно операционализирует доверие: не исключено, что выстраивание личных отношений воспринимается государственными и муниципальными служащими как необходимое и желательное условие функционирования публичной власти. Второе объяснение связано с тем, что подобные различия в оценках могут указывать на противоречия в самой системе представлений, которыми оперируют государственные и муниципальные служащие. С одной стороны, они могут декларировать представления, которые отвечают нормативным ожиданиям (государство должно доверять гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным)

учреждениям, с другой – признают действие операциональных правил, направленных на повышение уверенности в том, что объект управления будет действовать в соответствии с ожиданиями.

Учитывая эту неопределенность, при расчете сводного индикатора представлений о доверии были использованы только шесть утверждений, в отношении которых такой неопределенности не наблюдается. Средняя оценка представлений о доверии при этом оказалась равной 4,5 балла (ст. откл. = 1,5). Тот факт, что величина стандартного отклонения для сводной оценки меньше, чем для отдельных утверждений, позволяет предположить, что использование шести утверждений из данного вопроса может быть эффективным средством измерения общих представлений о доверии в отношениях представителей органов публичной власти и граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений.

Альтернативный способ изучения представлений о доверии заключается в выявлении того, как представители органов публичной власти реконструируют мотивы объектов управления, связанные с соблюдением законодательства в финансовой сфере, которая непосредственно относится к сфере ответственности респондентов. В отличие от общих представлений, такие оценки отличаются большей предметностью и могут быть более свободны от действия фактора нормативных ожиданий относительно декларируемых представлений.

Согласно усредненным представлениям представителей органов публичной власти (рисунок 1), среди обычных граждан преобладают мотивы соблюдения финансового законодательства, связанные с личной ответственностью и честностью. Такие представления образуют надежную основу для

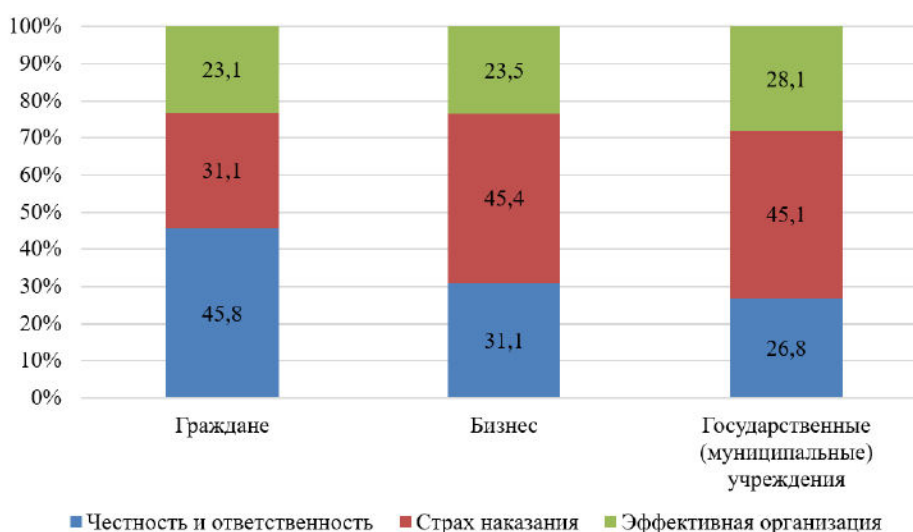

Рисунок 1 – Мотивы соблюдения финансового законодательства гражданами, бизнесом и государственными (муниципальными) учреждениями, по мнению представителей органов публичной власти

Figure 1 – Motives of compliance with financial legislation by citizens, businesses and state (municipal) institutions, according to representatives of public authorities

доверительных отношений. В отношении бизнеса, и особенно государственных (муниципальных) учреждений, которые напрямую подчиняются органам публичной власти, ситуация кардинально отличается: доминирующим мотивом соблюдения законов для них, по мнению представителей органов публичной власти, является страх наказания, тогда как роль ценностных мотивов незначительна.

Это означает, что в отношении корпоративных и особенно государственных (муниципальных) учреждений когнитивные основания для доверия скорее отсутствуют, что требует замены доверия мерами жесткого контроля. Роль рационально-прагматических мотивов во всех трех случаях примерно одинакова и является умеренной: удобство и эффективность управления играют роль в выстраивании отношений условного доверия, но не являются определяющими.

Полученные результаты свидетельствуют о дифференцированном восприятии оснований для доверия при взаимодействии с разными категориями объектов управления, являясь относительно благополучными с точки зрения отношений представителей органов публичной власти

и граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений. В то же время среди представителей органов публичной власти сохраняется значительная вариативность в реконструкции мотивов потенциальных объектов управления, которые также необходимо учитывать при анализе принимаемых решений и оценке их результатов.

Второй компонент доверия – доверительные установки, общее декларируемое отношение к различным объектам доверия. Преимущество прямых вопросов о доверии заключается именно в том, что позволяет выявить непосредственные, явные, декларируемые установки, которых придерживаются представители органов публичной власти. На рисунке 2 приведен ранжированный ряд различных объектов доверия, отношение к которым измерялось в ходе исследования, по степени декларируемого доверия со стороны представителей органов публичной власти. Оценка проводилась по 11-балльной шкале. Как следует из полученных данных, на уровне установок доверия представителей органов публичной власти различным составляющим общества является высокодифференцированным.

Рисунок 2 – Доверие представителей органов публичной власти различным составляющим общества
Figure 2 – The trust of representatives of public authorities in various components of society

К условному «кругу доверия» для представителей органов публичной власти относятся прежде всего государственные (муниципальные) учреждения и их руководство, а также проживающие в России граждане, в меньшей степени – компании с государственным участием в уставном капитале. То есть, доверительные установки распространяются в первую очередь на составляющие общества, входящие в контур публичного управления, а также обычных граждан. К «кругу недоверия» относятся граждане РФ, проживающие за рубежом, а также СМИ и, в некоторой степени, иностранные граждане.

Для выявления возможных факторов доверительных установок представителей органов

публичной власти была изучена их связь с социально-демографическими и социально-профессиональными характеристиками респондентов. Результаты дисперсионного анализа показали отсутствие значимых связей между гендерной принадлежностью и доверительными установками в отношении всех десяти составляющих российского общества. Для оценки роли возрастного фактора использовался корреляционный анализ. Значимых корреляций с доверительными установками также не было выявлено.

Социально-профессиональные характеристики мало связаны с некоторыми доверительными установками. Общий стаж работы на государственной и муниципальной службе положительно

связан с уровнем доверия к российским гражданам, проживающим за рубежом, хотя величина связи носит умеренный характер ($\rho = 0,258$, $p = 0,032$). Возможно, более опытные государственные и муниципальные служащие в меньшей степени подвержены контекстуальным нормативным ожиданиям, требующим демонстрации негативных установок в отношении эмигрантов.

Сравнение двух главных категорий опрошенных – руководителей и специалистов – показало, что первые, в целом, более высоко оценивают свой уровень доверия ко всем составляющим общества, за исключением СМИ и общественных объединений и организаций. Однако уровень статистической значимости оказался недостаточным, чтобы считать эту связь достоверной, что может объясняться небольшим размером выборки.

Таким образом, базовые социально-демографические и социально-профессиональные характеристики не оказывают видимого влияния на уровень

доверительных установок представителей органов публичной власти к составляющим общества. В дальнейших исследованиях целесообразно расширить спектр потенциальных детерминантов доверительных установок, в том числе за счет уровня образования, индивидуально-психологических различий, связанных с личной доверчивостью, регионального фактора и других переменных.

Представители органов публичной власти демонстрируют выраженные доверительные установки в отношении общества и представлении о его надежности, в частности, когда речь идет об обычных гражданах. Однако, когда дело доходит до конкретных действий, в которых требуется подвергнуть проверке эти представления о доверии, оказывается, что переход к практическим действиям оказывается затруднен, о чем свидетельствуют обобщенные доверительные интенции представителей органов публичной власти к различным социальным объектам (рисунок 3).

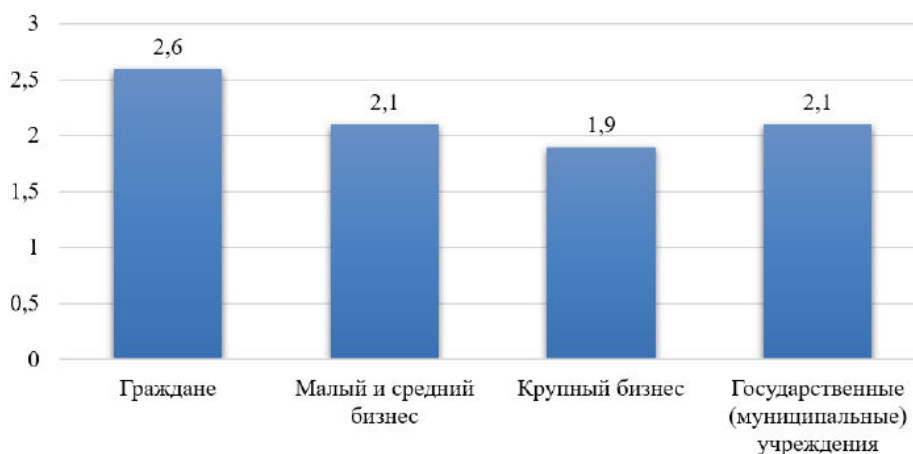

Рисунок 3 – Обобщенные доверительные интенции представителей органов публичной власти к различным социальным объектам

Figure 3 – Generalized trusting intentions of representatives of public authorities towards various social objects

Это в целом соответствует положениям теории обдуманного действия в том, что представления и установки не конвертируются автоматически в намерения, а намерения – в действия, и переход от одной стадии к другой может оказаться затруднен. С точки зрения теории доверия, такое расхождение подтверждает, что практическая составляющая доверия, только которая и имеет социальные последствия, не вытекает автоматически из декларируемых доверительных установок, а потому прямые вопросы о доверии без проверки их конвертируемости в действия не имеют научной ценности, по крайней мере, в контексте изучения доверия.

В дополнение к семи гипотетическим ситуациям, предполагающим взаимодействие с различными социальными акторами, респондентам предлагалось оценить свою готовность передать общественно значимую информацию в СМИ на условиях полной анонимности. Такая ситуация характеризуется, с одной стороны, относительно низким уровнем персональных рисков, поскольку

не существует формального запрета на анонимные комментарии в СМИ, а с другой, как было показано ранее, СМИ относятся к институту, в отношении которого среди российских государственных и муниципальных служащих преобладают негативные установки. Результаты показали, что уровень готовности к таким действиям крайне низкий и составляет 1,4 балла по 7-балльной шкале (ст. откл. = 1,3). Это может свидетельствовать как о низком доверии к СМИ (неверии в то, что они сохранят анонимность источника, не исказят информацию и не используют ее во вред обществу и самим представителям органов публичной власти), так и о низком доверии к системе публичного управления как отражении воспринимаемых рисков, связанных с возможным преследованием из-за утечек информации или злоупотреблением правовыми возможностями раскрытия журналистской тайны со стороны каких-то аппаратных групп интересов. В обоих случаях на уровне интенций наблюдается крайне низкий уровень доверия.

Как и в случае представлений и установок при изучении доверительных интенций, была изучена их связь с социально-демографическими и социально-профессиональными характеристиками. Для проверки такой связи использовались обобщенные показатели доверительных интенций и готовность к передаче общественно значимой информации публике.

Как и в случае двух предыдущих компонентов, гендерный фактор не сказывается существенным образом на готовности к доверительным действиям, хотя среди мужчин такая готовность несколько выше. Возрастной фактор умеренно положительно связан с готовностью к доверительным действиям в отношении граждан (ρ Спирмена = 0,283, $p = 0,018$), представителей малого и среднего бизнеса ($\rho = 0,249$, $p = 0,039$) и государственных (муниципальных) учреждений ($\rho = 0,255$, $p = 0,033$), но умеренно отрицательно – с готовностью предоставлять информацию в СМИ ($\rho = -0,264$, $p = 0,026$). Последнему факту соответствует слабая отрицательная корреляция между стажем работы в текущей должности и готовностью к предоставлению информации ($\rho = -0,243$, $p = 0,041$). Можно предположить, что такие оценки отражают накопленный негативный опыт взаимодействия со СМИ.

В отношении других видов доверительных интенций значимых связей с длительностью занятия текущей должности и общим стажем работы в органах публичной власти не выявлено. Характер занимаемой должности также не сказывается на готовности к доверительным действиям, хотя у руководителей она в целом выше, чем у специалистов, – во всех случаях, кроме готовности предоставлять информацию в СМИ. Это согласуется как с предыдущим выводом, так и с возможностью того, что руководители в большей степени контролируют взаимодействие с социальными акторами, а потому несколько более готовы демонстрировать доверие. Это предположение, однако, нуждается в дополнительных исследованиях.

Дополнительно был проведен аналогичный анализ в отношении конкретной гипотетической ситуации с наибольшей вариативностью ответов. Однако никаких устойчивых связей готовности выполнять работу сверх своих обязанностей с социально-демографическими и социально-профессиональными характеристиками выявлено не было. Это подтверждает необходимость значительного расширения перечня потенциальных факторов, определяющих степень доверия, которое представители органов публичной власти демонстрируют в отношении различных социальных объектов.

Отдельные компоненты доверия могут рассматриваться как самостоятельные факторы деятельности представителей органов публичной власти при взаимоотношении с гражданами, бизнесом и государственными (муниципальными) учреждениями. Однако в полном смысле о доверии можно говорить лишь когда представлены все четыре аспекта доверия и приняты во внимание ключевые условия, в которых только и имеет смысл говорить о доверии, а именно, предметности и зависимости. Предметность доверия в той или иной степени уже отражена в основных измерительных инструментах, использованных в ходе пилотного исследования. Вопрос о степени зависимости частично также отражен при измерении доверительных интенций, однако, для более полного и универсального измерения степени уязвимости, которую представители органов публичной власти субъективно воспринимают при взаимодействии с различными социальными объектами, респондентам был задан специальный вопрос.

Респонденты оценили по 7-балльной шкале, насколько 11 различных социальных объектов способны повлиять на их положение в системе публичной власти. Из них 6 групп относятся к внешней для системы публичной власти среде. Полученные в ходе исследования оценки зависимости представителей органов публичной власти от различных групп и структур показывают дифференцированный характер (рисунок 4).

Рисунок 4 – Оценка респондентами возможности различных социальных объектов влиять на их положение в системе публичной власти

Figure 4 – Respondents' assessment of the ability of various social facilities to influence their position in the system of public power

В наименьшей степени такая зависимость проявляется в отношениях с хозяйствующими субъектами всех форм и размеров. В целом, можно считать, что представители органов публичной власти чувствуют себя защищенными от влияния бизнеса. Относительно большая зависимость наблюдается в случае руководства государственных (муниципальных) учреждений – основной категории, с которой респонденты имеют дело в ходе служебной деятельности. Также относительно высока воспринимаемая зависимость от граждан. Это может быть связано с тем, что у граждан имеются механизмы обратной связи, позволяющие им воздействовать на чиновников. Более высокая воспринимаемая зависимость определяет ценность, которую может иметь доверие при социальном взаимодействии.

Дополнительный анализ показал, что руководители в целом склонны выше оценивать свою зависимость от различных категорий партнеров по взаимодействию, хотя в большинстве случаев это различие не является статистически значимым. Однако в случае СМИ такая связь является значимой ($F = 5,073$, $p = 0,028$), а в случае руководства государственных (муниципальных) учреждений приближается к значимости ($F = 3,734$,

$p = 0,058$)³. Можно предположить, что это отражает более высокую ответственность, которые руководители чувствуют и которую они могут понести в случае проблем или конфликтов.

Связь с другими социально-демографическими и социально-профессиональными характеристиками является незначимой, за исключением положительной связи возраста с воспринимаемой зависимостью от СМИ ($\rho = 0,330$, $p = 0,005$) и граждан ($\rho = 0,246$, $p = 0,038$), а также слабой положительной связи стажа государственной и муниципальной службы и зависимости от СМИ ($\rho = 0,249$, $p = 0,036$). Можно предположить, что такая связь отражает накопленный опыт представителей органов публичной власти, демонстрирующий возможное влияние, которое могут оказывать граждане на органы публичной власти.

Несмотря на то, что различные измерения доверия не являются строго соизмеримыми и имеют самостоятельное значение, подобная визуализация (рисунок 5) позволяет отобразить различия в структуре и полноте доверия при взаимодействии представителей органов публичной власти с гражданами, бизнесом и государственными (муниципальными) учреждениями.

Рисунок 5 – Структура доверия представителей органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям

Figure 5 – The structure of trust of representatives of public authorities to citizens, businesses and state (municipal) institutions

Хотя различия шкал не позволяют напрямую сравнивать разные аспекты доверия, можно осторожно заключить, что по мере движения от уровня представлений к уровню действий готовность к доверию в целом снижается.

Итоговые результаты изучения доверия (рисунок 6), таким образом, позволяют утверждать, что

представители органов публичной власти в целом склонны в наибольшей степени доверять гражданам, а в наименьшей – бизнесу. Дополнительный анализ, направленный на установление связи полноты доверия с социально-демографическими и социально-профессиональными характеристиками, показал, что такие связи, как правило, отсутствуют

³ При сравнении только двух групп: руководителей и специалистов.

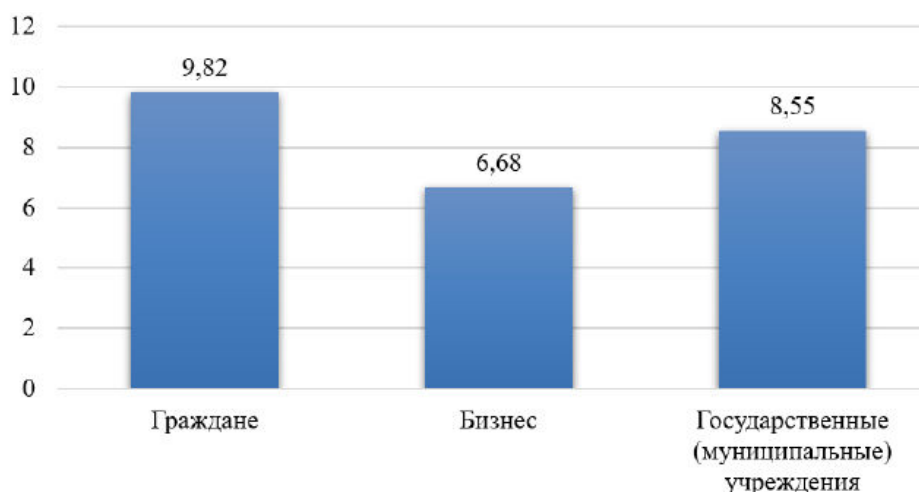

Рисунок 6 – Интегральный показатель полноты доверия представителей органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям

Figure 6 – Integral indicator of the completeness of trust of representatives of public authorities to citizens, businesses and state (municipal) institutions

или являются малозначимыми. В наибольшей степени влиянию социальных факторов подвержено доверие гражданам, причем мужчины склонны несколько больше доверять им, чем женщины, а руководители – несколько больше, чем специалисты. Однако такая связь находится на границе статистической значимости и требует дальнейшей проверки. При этом уровень полноты доверия гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям тесно коррелирует друг с другом: значение r Пирсона равно 0,703 для связи доверия гражданам и государственным (муниципальным) учреждениям; 0,602 – для связи доверия гражданам и бизнесу; 0,496 – для связи доверия бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям (во всех случаях $p < 0,01$). То есть, существуют индивидуальные факторы, возможно, связанные с индивидуальной доверчивостью, образованием или особенностями профессионального опыта, которые не охвачены используемой в пилотажном исследовании методологией, но которые значимо влияют на общую готовность к доверию. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на корреляцию полноты доверия по отношению к разным объектам доверия, они устойчиво различаются между собой, свидетельствуя о том, что на уровень доверия оказывают влияние различные условия и формы взаимодействия с ними.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В той мере, в какой публичное управление является социальным взаимодействием, при котором каждая сторона обладает ресурсами и возможностями, значимыми для другой стороны, и одновременно – определенной свободой и вариативностью действия, – оно создает условия, в которых проблема доверия возникает неизбежно. В системе «государство–общество» она преимущественно рассматривается как проблема доверия представителям

органов публичной власти. Однако обратное отношение с теоретической точки зрения является не менее важным, поскольку успешность любых управленческих решений и действий в той или иной степени зависит от доброй воли и благонамеренности объекта управления. Результаты апробации методологии проведения исследования подтверждают это теоретическое положение, демонстрируя, что представители органов публичной власти признают свою зависимость от граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений, следовательно, и возникновение потребности в доверии. Хотя взаимодействие в ходе публичного управления опирается на механизмы контроля, такой контроль не может быть и не является тотальным и универсальным, и создает определенные издержки и ограничения. Поэтому в отношениях представителей органов публичной власти и граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений доверие является признаваемой и актуальной проблемой, и разные части этих отношений регулируются тем или иным сочетанием доверия и контроля.

Предложенная автором методология проведения исследования впервые в российской и зарубежной практике позволила получить представление о доверии, которое представители органов публичной власти демонстрируют в отношении различных составляющих общественной системы. Этот вектор отношений доверия (от государства к обществу) является гораздо менее изученным, чем обратный вектор (от общества к государству), а существующие исследования доверия характеризуются целым рядом методологических и концептуальных ограничений, не отражающих современных теоретических представлений о роли доверия в системе власти и публичного управления. В отличие как от большинства типичных социологических исследований доверия представителям органов публичной власти, так и от немногих

имеющихся исследований доверия представителями органов публичной власти гражданам, бизнесу и государственным (муниципальным) учреждениям, проведенное исследование позволило охватить доверие во всей содержательной полноте этого феномена (представления, установки, намерения и действия), учесть его дифференцированность в зависимости от предмета и категории объекта управления (граждане, бизнес, государственные (муниципальные) учреждения), а также охарактеризовать воспринимаемую субъективную зависимость представителей органов публичной власти от объекта управления как необходимое условие потребности в доверии и фактор, определяющий его цену для субъекта доверия.

Результаты применения методологии исследования представлялись автором 17.04.2025 на XXXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», проводимой Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, где признаны лучшим докладом на секции «Социология», подсекции «Социология государственного управления».

Несмотря на системные проблемы в отношениях современного российского государства и общества, а также высокий уровень централизации управленческой системы, представители органов публичной власти воспринимают определенный уровень зависимости от граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений и признают потребность в доверии. При этом представители органов публичной власти демонстрируют более высокий и сбалансированный уровень доверия по отношению к гражданам, чем по отношению к государственным (муниципальным) учреждениям и особенно к бизнесу. Это показывает потенциал доверительных отношений между представителями органов публичной власти и гражданами, но в то же время свидетельствует о проблемах и барьерах взаимодействия публичной власти и корпоративного сектора.

Предложенная автором методология исследования и проведенное исследование (апробация методологии) обосновали теоретическое представление о сложной структуре и условиях доверия и стали основой для разработки эффективных методических решений для социологического изучения этого феномена в системе «государство–общество».

Вопрос о факторах доверия представители органов публичной власти гражданам, бизнесу

и государственным (муниципальным) учреждениям остается открытым и требует дальнейшего изучения. Ряд социально-демографических и социально-профессиональных факторов, изученных в ходе пилотажного исследования, не позволил выявить универсальные и надежные связи с уровнем доверия к различным объектам управления, хотя некоторые зависимости доверия от возраста, стажа работы на государственной и муниципальной службе и занимаемой должности были определены. Тот факт, что доверие к различным объектам доверия коррелирует друг с другом и при этом варьируется по степени доверия, говорит о том, что на уровень доверия влияют не только условия и характер субъект-объектных отношений, но и индивидуальные характеристики. В дальнейших исследованиях необходимо значительно расширить перечень потенциальных факторов, влияющих на отдельные компоненты доверия и его полноту, в том числе связанных с индивидуальными диспозиционными чертами личности, уровнем образования, культурными ценностями.

В методологическом отношении проведенное пилотажное исследование подтвердило возможность и необходимость дифференцированного изучения доверия, несводимость исследования доверия к прямым вопросам о доверии. Предложенные меры являются полезным первым шагом в изучении доверия, которое представители органов публичной власти демонстрируют в отношении граждан, бизнеса и государственных (муниципальных) учреждений, однако нуждаются в дальнейшем развитии. Наиболее перспективными направлениями дальнейшего развития методологии измерения доверия являются: выявление дифференцированных представлений о надежности различных категорий социальных объектов; выявление имплицитных установок в отношении различных социальных групп, организаций и институтов; более непосредственное измерение интенций, расширение перечня фактических доверительных действий со стороны представителей органов публичной власти. Учитывая сложность исследуемого феномена, перспективным выглядит сочетание количественных и качественных методов исследования.

В дальнейших исследованиях также целесообразно расширить выборку, в том числе за счет представителей органов публичной власти, взаимодействующих с хозяйствующими субъектами и другими категориями объектов управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валевич А. Г., Кудряшов В. С., Фомина В. В. Тенденции и тренды современного управления в России и за рубежом // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2023. № 29. С. 44–51. EDN RIECFW.
2. Van de Walle S. New public management: restoring the public trust through creating distrust? // The Ashgate Research Companion to New Public Management / Ed. by T. Christensen, P. Laegreid. Aldershot: 2010. Ashgate, pp. 309–320. DOI 10.2139/ssrn.1594042.

3. Van de Walle S., Lahat L. Do public official trust citizens? A welfare state perspective // *Social Policy & Administration*. 2017. Vol. 51. No. 7, pp. 1450–1469. DOI 10.1111/spol.12234.
4. Красильников Д. Г., Троицкая Е. А. Концепция «New Public Management»: возможности и ограничения // *Вестник Пермского университета*. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 81–91. EDN NUOWAP.
5. Андрущенко В. А., Денисов Ю. П. Парадигма государственного и муниципального управления в России в контексте современных политических процессов // *Общество: политика, экономика, право*. 2022. № 11. С. 21–25. DOI 10.24158/пер.2022.11.2. EDN QKHOGH.
6. Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Отношение государства к криптовалюте как индикатор его доверия к обществу // *Управленческое консультирование*. 2020. № 11. С. 130–139. DOI 10.22394/1726-1139-2020-11-130-139. EDN ONXRVV.
7. Alkadry M. G. Deliberative discourse between citizens and administrators: if citizen talk, will administrators listen? // *Administration and Society*. 2003. Vol. 35. No. 2. pp. 184–209. DOI 10.1177/0095399703035002004. EDN JKJRD.
8. Berman E. M. Dealing with cynical citizens // *Public Administration Review*. 1997. Vol. 57. No. 2. pp. 105–112. DOI 10.2307/977058. EDN EPZCOR.
9. Melkers J., Thomas J. C. What do administrators think citizens think? Administrators predictions as an adjunct to citizen surveys // *Public Administration Review*. 1998. Vol. 58. No. 4. pp. 327–334. DOI 10.2307/977562. EDN EQAELR.
10. Бондаренко В. В., Юдина В. А., Юрасов И. А., Танина М. А. Эмоциональное и рациональное доверие российской студенческой молодежи к органам власти: проблемы образов власти // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2023. № 4 (68). С. 43–61. DOI 10.21685/2072-3016-2023-4-4. EDN ECKCYX.
11. Петренко Д. В. Реформа МВД России: как изменилось доверие общества к полиции за двенадцать лет // *Вестник науки*. 2023. Т. 2, № 12 (69). С. 820–824. EDN XPBOGV.
12. Герасин В. Ю. Влияние явки на выборы Президента России на доверие населения к органам государственной власти // *Молодежь. Образование. Наука*. 2024. № 1 (19). С. 182–185. EDN KFCWPO.
13. Yang K. Public administrators' trust in citizens: a missing link in citizen involvement efforts // *Public Administration Review*. 2005. Vol. 65. No. 3. P. 274–285. DOI 10.1111/j.1540-6210.2005.00453.x.
14. Migchelbrink K., Raymaekers P. Public managers' trust in citizens and their preferences for behavioral policy instruments: evidence from a mixed-methods study // *Behavioral Public Policy*. 2022. In Press. 24 p. DOI 10.1017/bpp.2022.21.
15. Овчинников-Лысенко Е. Г. Методология и методы социологических исследований социальной справедливости в России и за рубежом // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 5 (133). С. 32–38. DOI 10.24158/spp.2025.5.3. EDN NQZZUG.
16. Казакова М. С., Карлина А. А., Чумак В. Г. Оценка эффективности публичного управления в России и за рубежом: анализ теоретических подходов и практик // *Вестник Самарского муниципального института управления*. 2024. № 4. С. 7–19. EDN PUWLNH.
17. Сиразетдинова М. Ф. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств // *Вестник Института социологии*. 2024. Т. 15, № 1. С. 70–90. DOI 10.19181/vis.2024.15.1.3. EDN QGEQFM.
18. Захаров Н. Л., Половникова Т. В. Новые социально-экономические тренды современного мира // *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2023. Т. 19, № 2. С. 43–48. DOI 10.22213/2618-9763-2023-2-43-48. EDN PQLFNA.
19. Костюнина О. В. Доверие к власти как условие достижения национальных целей развития России на современном этапе: теория и правовое регулирование // *Академический юридический журнал*. 2025. Т. 26, № 1 (99). С. 35–43. DOI 10.17150/1819-0928.2025.26 (1). 35-43. EDN RKOUMH.
20. Бычкова Е. И., Литвин А. С. К вопросу о совершенствовании института ответственности государственных служащих в Российской Федерации (на основе опыта правления Петра I) // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2022. № 2 (32). С. 28–33. DOI 10.54217/2588-0136.2022.32.2.003. EDN PFFKPS.
21. Горькова В. В., Курлов А. В., Юрченко Д. А. [и др.] Научные и нормативные аспекты реализации устойчивого развития в России изарубежом // *Экономика и безопасность*. 2024. № 4. С. 12–18. EDN WHMOTU.

REFERENCES

1. Valevich, A. G., Kudryashov, V. S., Fomina, V. V. (2023) Trends and trends of modern management in Russia and abroad. *Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU*, (29), pp. 44–51. <https://elibrary.ru/riecfw>.
2. Van de Walle, S. (2010) New public management: restoring the public trust through creating distrust? *The Ashgate Research Companion to New Public Management* / Ed. by T. Christensen,

- P. Laegreid. Aldershot, Ashgate, pp. 309–320. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1594042>.
3. Van de Walle, S., Lahat, L. (2017) Do public official trust citizens? A welfare state perspective. *Social Policy & Administration*, 51 (7), pp. 1450–1469. <https://doi.org/10.1111/spol.12234>.
 4. Krasilnikov, D. G., Troitskaya, E. A. (2011) The concept of «New Public Management»: opportunities and limitations. *Perm University Herald. Political Science*, (1), pp. 81–91. <https://elibrary.ru/nuowap>.
 5. Andryushenkov, V. A., Denisov, Yu. P. (2022) The paradigm of state and municipal management in Russia in the context of modern political processes. *Society: politics, economics, Law*, (11), pp. 21–25. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.11.2>. <https://elibrary.ru/qkhogh>.
 6. Antoncheva, O. A., Apanasenko, T. E. (2020) The State's Attitude to Cryptocurrency as an Indicator of Its Trust in Society. *Administrative consulting*, (11), pp. 130–139. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-11-130-139>. <https://elibrary.ru/onxrvv>.
 7. Alkadry, M. G. (2003) Deliberative discourse between citizens and administrators: if citizen talk, will administrators listen? *Administration & Society*, 35 (2), pp. 184–209. <https://doi.org/10.1177/0095399703035002004>. <https://elibrary.ru/jkjrld>.
 8. Berman, E. M. (1997) Dealing with cynical citizens. *Public Administration Review*, 57 (2), pp. 105–112. <https://doi.org/10.2307/977058>. <https://elibrary.ru/epzcor>.
 9. Melkers, J., Thomas, J. C. (1998) What do administrators think citizens think? Administrators predictions as an adjunct to citizen surveys. *Public Administration Review*, 58 (4), pp. 327–334. <https://doi.org/10.2307/977562>. <https://elibrary.ru/eqaelr>.
 10. Bondarenko, V. V., Yudina, V. A., Yurasov, I. A., Tanina, M. A. (2023) Emotional and rational trust of the Russian student youth's trust in governing bodies: problems of images of the authority. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, (4), pp. 43–61. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-4-4>. <https://elibrary.ru/eckcyx>.
 11. Petrenko, D. V. (2023) Reform of Russian police: how has public trust in police changed in twelve years. *Bulletin of Science*, 2 (12), pp. 820–824. <https://elibrary.ru/xpbogb>.
 12. Gerasin, V. Yu. (2024) The influence of turnout in the Russian presidential election on public confidence in public authorities. *Youth. Education. Science*, 1(19), pp. 182–185. <https://elibrary.ru/kfcwpo>.
 13. Yang, K. (2005) Public administrators' trust in citizens: a missing link in citizen involvement efforts. *Public Administration Review*, 65 (3), pp. 274–285. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00453.x>.
 14. Migchelbrink, K., Raymaekers, P. (2022) Public managers' trust in citizens and their preferences for behavioral policy instruments: evidence from a mixed-methods study. *Behavioral Public Policy*, In Press, 24 p. <https://doi.org/10.1017/bpp.2022.21>.
 15. Ovchinnikov-Lysenko, E. G. (2025) The Results of Empirical Research on Social Justice in Russia and Abroad. *Society: Sociology, psychology, pedagogy*, 5(133), pp. 32–38. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.5.3>. <https://elibrary.ru/nqzzug>.
 16. Kazakova, M. S., Karlina, A. A., Chumak, V. G. (2024) Assessment of the public administration efficiency in Russia and abroad: analysis of theoretical approaches and practices. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, (4), pp. 7–19. <https://elibrary.ru/puwlnh>.
 17. Sirazetdinova, M. F. (2024) Russian sociologists on the foundations of solidarity: subjectivity, predictability and community of feelings. *Vestnik instituta sotziologii*, 15 (1), pp. 70–90. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.1.3>. <https://elibrary.ru/qgeqfm>.
 18. Zakharov, N. L., Polovnikova, T. V. (2023) New socio-economic trends in the modern world. *Social'noekonomicheskoe upravlenie: teoria i praktika*, 19 (2), pp. 43–48. <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2023-2-43-48>. <https://elibrary.ru/pqlfna>.
 19. Kostyunina, O. V. (2025) Trust in government as a condition for achieving Russia's national development goals at the present stage: theory and legal regulation. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*, 26 (1), pp. 35–43. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26\(1\).35-43](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26(1).35-43). <https://elibrary.ru/rkoumh>.
 20. Bychkova, E. I., Litvin, A. S. (2022) On the issue of improving the institution of responsibility of civil servants in the Russian Federation (based on the experience of the reign of Peter the Great). *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, (2), pp. 28–33. <https://doi.org/10.54217/2588-0136.2022.32.2.003>. <https://elibrary.ru/pffkps>.
 21. Gorkova, V. V., Kurlov, A. V., Yurchenko, D. A., Dozmorov, A. M., Belykh, A. D. (2024) Scientific and regulatory aspects of the implementation of sustainable development in Russia and abroad. *Economy and security*, (4), pp. 12–18. <https://elibrary.ru/whmotu>.